

Даже церковное заключение брака четы Ивановых в Ливорно было освящено самим Дионисом: на свадьбе в греческой церкви в Ливорно им надели вместо брачных венцов обручи из виноградных лоз, обмотанных белоснежной шерстью ягненка [5, с. 35].

Ибо нам любовь ковала
 Не разлучница Паллада,
 Не семейственница Гера, –
 Но стрелою, полной яда,
 Ранил нас крылатый лучник,
 И ему была награда
 Милой матери улыбка;
 И святого вертограда
 Твоего венчалась гроздьем,
 Дионис, моя мэнада
 [6, II, с. 462].

Любопытно, что Н.А. Бердяев через восемь после смерти Л.Д. укажет Вяч. Иванову на дионисийский исток его творчества: «Ваш дионисизм, Ваш мистический анархизм, Ваши оккультные искания, все это, очень разное было, связано с Лидией Дмитриевной, с ее прививкой» [3, 138].

Первая часть поэтического сборника «Cor Ardens» Вяч. Иванова (книга первая «Пламенеющее сердце») посвящена безвременно ушедшей из жизни Лидии Дмитриевне. Во всех своих посвящениях-эпиграфах поэт связывает образ любимой женщины с менадой:

Ты – мой свет; я – пламень твой.
Л. Зиновьева-Аннибал

БЕССМЕРТНОМУ СВЕТУ
 ЛИДИИ ДМИТРИЕВНЫ
 ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ
*Той, что, сгорев на земле моим
 пламенеющим сердцем,
 Стала из пламени свет в храмине
 гостя земли*
 [6, II, с. 224].

Все посвящения подчеркивают «огненное» сердце Лидии Дмитриевны. Для Иванова «огненное», «горящее», «пламенеющее» сердце было отличительным признаком менады как дионисийского образа. Отсюда и

название первого раздела «ECCE COR ARDENS» («Се пламенеющее сердце» – лат.) с еще одним посвящением, вскрывающим дионисийскую природу души Зиновьевой-Аннибал: «Той, / чью судьбу и чей лик / я узнал / в этом образе Менады / «с сильно бьющимся сердцем» / – как пел Гомер – / когда ее огненное сердце / остановилось» [6, II, с. 225].

Первое стихотворение книги «Cor Ardens» так и называется «Менада». Главная героиня этого произведения «безглагольная Менада», потерявшая себя в боге, ассоциируется с другим мифологическим образом – Ниобеей, которая лишилась всех своих детей и превратилась в камень: «Я скалой застыла острогрудой, / Рассекая черные туманы, / Высекая луч из хлябей синих... / Ты резни, / Полосни / Зубом молнийным мой камень, Дионис! / Млатом звучным источи / Из груди моей застылой слез ликующих ключи...» [6, II, 227]

Лидия Дмитриевна умерла в 1907, а «Менада» была написана поэтом в 1905 году, за два года до ее смерти. Но многие строки этого стихотворения звучат пророчески и мистическим образом совпадают с мучительным состоянием Зиновьевой-Аннибал, смертельно страдающей от скарлатины. М. Волошин в своем дневнике записал рассказ Иванова о последних минутах его Менады: «Она не могла говорить. Горло ее было сдавлено и распухло. <...> Смотрела на меня. Но глаза не видели. Верно, был паралич. Ослепла» [4, 281]. Сравним это сообщение со строчками поэтического произведения, созданного на несколько лет раньше: «Недвижимо у пещеры жадной / Стала безглагольная Менада. / Мрачным оком смотрит – и не видит; / Душный рот разверзла – и не дышит» [6, II, с. 227].

В стихотворении поэта менада, охваченная тоской и ужасом (переключка с произведением Вяч. Иванова «Имени твоему»), стоит у пещеры Диониса, там, где начинается иной мир (мотив нисхождения): «Скорбь нашла и смута на Менаду; / Сердце в ней тоской захолонуло. / <...> / И текучие взмолились нимфы / Из глубин пещерных на Менаду: / «Влаги, влаги, влажный бог!..» [6, II, с. 227]

«Влажный бог» – Дионис. По утверждению Вяч. Иванова, Плутарх называл этого бога «владыкой влажной стихии» [7, с. 342], поэтому в произведении русского символичес-

та нимфы обращаются к Дионису с просьбой напоить страдающую от жажды Менаду: дать ей божественной влаги, чтобы душа наполнилась другой стороной дионисийского состояния – ликованием.

Автор «Менады» использует известные образы и мотивы не только древнегреческой мифологии, но и орфической теологии. Иванов заимствует у представителей эзотерического учения миф о пещерах Диониса, где души насыщаются божественной влагой: «Мифы о дионисийских пещерах показывают, что души упиваются в них чарующими испарениями, чтобы, опьянившись забвением прежней чистоты и единства, ринуться из своей верховной отчизны в юдоль страды земной» [7, с. 348].

Поэтому следующие строчки [6, II, с. 227–228]: «Бурно ринулась Менада, / Словно лань, / Словно лань, – / С сердцем, вспугнутым из персей, / Словно лань, / Словно лань, / С сердцем, бьющимся, как сокол / Во плену, / Во плену, – / С сердцем, яростным, как солнце, / Поутру, / Поутру, – / С сердцем жертвенным, как солнце / Ввечеру, / Ввечеру... – можно интерпретировать как стихи, содержащие орфические идеи о бессмертии душ и их «пакирождении», то есть о возвращении их после смерти на землю. Сама же менада (душа), испив божественную влагу, приобщилась к страстям Дионисовым, она готова к жертвенной самоотдаче.

Примечательно, что сама Л.Д. Зиновьева-Аннибал признавалась, что ее натура соответствует водной стихии. В своих «Воспоминаниях» С.В. Троцкий приводит слова Вяч. Иванова, относящиеся к его жене: «Она всегда говорила, что она – вода» [12, с. 61].

Дионисийское начало, сопоставимое с морской (водной) стихией, отмечено и в стихотворении «Ты – море» (1904), посвященном также Лидии Дмитриевне:

*Ты – море. Лоб твой надухает,
Как вал крутой, и пепл огней
С высот грозящих отряхает,
Как вал косматый, – пыль гребней.
И светлых глаз темна мятежность
Вольнолюбивой глубиной,
И шеи непокорной нежность
Упругой клонится волной.*

*Ты вся – стремленье, трепет страстный,
Певучий плеск, глубинный звон,
Восторга вихорь самовластный,
Порыва полоненный стон.
Вся волит глубь твоя незрима,
Вся бьет несменно в берег свой,
Одним всецелым умирима
И безусловной синевой
[Курсив наш – Н.А., 6, I, с. 762–763].*

Символика морской (водной стихии) в стихотворении поэта подчеркивает дионисийскую сущность души героини: вольнолюбивой, мятежной, импульсивной, непокорной, страстной.

Любопытно, что в стихотворениях Вячеслава Иванова и огненные, и водные мифопоэтические образы, традиционно противоположные друг другу (как земное и небесное), гармонично сочетаются и в равной мере относятся к дионисийской стихии. Да и сама природа Диониса, сына Зевса и земной женщины Семелы, двойственная – земная и небесная.

Образ менады в поэзии Иванова нередко отождествляется с еще одной мифологической фигурой – сивиллой. В Греции прорицательниц называли чаще всего пифиями, в Риме – сивиллами. В античных преданиях сивилл и пифий чаще всего связывали с Аполлоном, так как по легендам они получали дар прорицания от светлого бога Аполлона и считались его жрицами.

Но, согласно концепции Вяч. Иванова, изложенной в научном труде «Дионис и традиционность», пифии первоначально принадлежали дионисийскому сонму. Аполлон, овладев Дельфийским оракулом, насильственно подчинил себе пифию, однако «пифия ... осталась в своей глубочайшей и непокорной, недоступной Аполлону сущности голосом Ночи...» [8, с. 40]

Далее поэт и исследователь эллинской религии указывает, что пифия именовалась «пчелой», «но «пчелами» экстатические женщины могли именоваться только в качестве служительниц Диониса или Артемиды» [8, с. 40]. Анализируя отдельные образы пифий, ученый «обличает исконно дионисийскую природу женского вещания «от Аполлона» [8, с. 40].

Таким образом, и сивиллы, и пифии (в трактовке Иванова) по своей исконной при-

роде все-таки одержимы дионисийским волнением, особенно, когда их речи были полны намеков и иносказаний. Такой же Сивиллой предстает героиня в стихотворении Иванова «На башне», 1905 («*Cor ardens*», раздел «Сивилла»), посвященном Лидии Дмитриевне, которая, по словам М.В. Сабашниковой, и внешне «походила на Сивиллу Микеланджело» [11, с. 121]:

Пришелец, на башне притон я обрел
С моею царицей – Сивиллой,
Над городом-морозом – смурый орел
С орлицей ширококрылой.

<...>

И клекчет Сивилла: «Зачем орлы
Садятся, где будут трупы?»

[6, II, с. 259]

Подобно дионисийской пифии, героиня в исступлении от внутреннего видения изрекает будущие трагические события, не объясняя их причину. Написано произведение, как и «Менада», в сравнительно счастливое время для семьи Ивановых, которые после нескольких лет жизни за границей вернулись на родину и решили связать свою судьбу с Петербургом. Поэт и его жена были полны жизненной энергии, творческих планов и надежд, которые мечтали осуществить в городе Петра. Жизнь в «Башне», на первый взгляд, не предвещала ничего трагического, напротив, все, кто жил в ней или посещал ее, испытывали творческий подъем и вдохновение. Годы, проведенные Ивановыми в «Башне» были, вероятно, самыми плодотворными в творческом плане и для Вячеслава Иванова, и для Лидии Дмитриевны. И все-таки роковое предчувствие в «прозрачной Пальмире» становится основным мотивом в разделе «Сивилла». Вполне возможно, революционные события в России и послужили началом трагического ощущения будущей катастрофы России, будущих безвозвратных потерь в семье Ивановых.

Действительно, Лидия Дмитриевна, подобно сивилле, обладала даром трагического предвидения, об этом свидетельствуют и другие факты из биографии писательницы. Например, незадолго до смерти, Лидия, окруженная любовью и вниманием мужа, вдруг

неожиданно горько расплакалась, переступив порог дома в Загорье. Обратим внимание, что в это время и Лидия Дмитриевна, и Вячеслав Иванович «были очень счастливы, оба работали. Между ними царил полная гармония...» [10, с. 41]. А через несколько месяцев в Загорье случилось неизбежное: «...в соседней деревне началась эпидемия скарлатины. Лидия всегда была готова прийти людям на помощь, она всегда бросалась к тем, кто в ней нуждался; и вот она отправилась в эту деревню помогать крестьянкам лечить детей. Она поспешила туда, не думая о том, что сама в детстве не переболела скарлатиной, и заразилась. Через несколько дней она умерла» [10, с. 41–42]. Отметим, что сама смерть Лидии Дмитриевны символична: по сути, Лидия, пытаясь спасти больных крестьянских детей, пожертвовала своей жизнью.

В «Медном всаднике» (1906), продолжая тему пророчества, поэт заклинает свою подругу стать прежней менадой, открывшей ему когда-то дионисийский мир исступлений и восторгов. Любимую он сравнивает с греческой Ариадной, которая спасла жизнь Тесею, вручив ему путеводную нить. Сравнение это, как мы полагаем, не случайно: Лидия Дмитриевна (подобно мифологической героине, сумевшей помочь возлюбленному выбраться из опасного и запутанного лабиринта) спасла поэта от одиночества, отчаяния и безысходности. Заметим, что Ариадна, согласно мифам, становится женой Вакха, что означает ее сопричастность миру дионисийской стихии. Ариадну по праву можно называть менадой. Образ Ариадны в других произведениях Вяч. Иванова (в частности, в стихотворении «Певец в лабиринте») также символизирует земную душу-менаду, ищущую своего бога Вакха.

У поэта в «Медном всаднике» возникает необычный образ Ариадны «с кубком рьяным», то есть с хмельным дионисийским исступлением. «Кубок рьяный» (дионисийский экстаз) отождествляется со спасительным клубком ниток:

О, пребудь с поэтом в мире,
Ты, над взморьем светозарным
Мне являвшаяся дивной
Ариадной, с кубком рьяным,

С флейтой буйно-заунывной
Иль с узывчивым тимпаном, –
Там, где в гроздьях, там, где в гимнах
Рдеют Вакховы экстазы...

<...>

Закружись стихийной пляской
С предзакатным листопадом
И под сумеречной маской
Пой, подобная менадам!
В желто-серой рысей шкуре,
Увенчавшись хвоей ельной,
Вихревейной взвейся бурей,
Взвейся вьюгой огнехмельной!..

[6, II, с. 259–260]

Но постепенно образ возлюбленной в стихотворении поэта изменяется: вместо прежней исступленно-восторженной менады возникает скорбная сивилла, напоминающая прадионисийскую хтоническую пифию, служительницу мрачной богини Ночи:

Вот – и ты преобразилась
Медленно... В убогих ризах
Мнишься ты в ночи Сивиллой...
Что, седая, ты бормочешь?
Ты грозишь ли мне могилой?
Или миру смерть пророчишь?
<...>

А Сивилла: «Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта»...

[6, II, с. 260–261]

Внешний вид менады, преображенной и одержимой ночным божеством, и ее зловещая речь наводят на поэта ужас и безумие.

Замирая кликом бледным
Кличу я: «Мне страшно, дева,
В этом мороке победном
Медно-скачущего Гнева»...

[6, II, с. 261]

В «Медном всаднике» образ неистовой служительницы бога избытка и упоений вещуньи-менады явно трансформируется. Поэт вскрывает ее древние корни, когда исступленные женщины принадлежали мрачной ночной богине, называемой то богиней Ночи, то

богиней Земли, и эти пророчицы обладали губительной силой – наводили, подобно эринниям, страх и безумие на людей.

В заключительном стихотворении («Молчание», 1907) поэтического раздела «Сивилла» образ сивиллы окрашивается уже в иные тона. Поэт в стихотворении называет свою вещунью не подругой темных видений, а «подругой чистых созерцаний», такое обращение указывает на аполлонический элемент в образе сивиллы.

Здесь необходимо остановиться на дионисийском этосе русского мыслителя, термин которого, как, впрочем, и оппозиция аполлонического и дионисийского, находит широкое применение в модернистской этике и эстетике. Согласно модели Вяч. Иванова [2, 43–44], дионисийство может выступать в двух ипостасях: как «неправое» и «правое». Первое несет разрушительную силу: исступленную душу, заглянувшую за край бездны, может поглотить хаос, и тогда начинается деградация этой души, иначе говоря, саморазрушение. Второе дионисийство – правое – созидательно: человек, пребывающий в состоянии светлой ипостаси дионисийства, не утрачивает самообладание, волю, разум; экстатическое состояние такого дионисийства лишь усиливает творческий потенциал. Другими словами, разбуженной энергии (дионисийской) приходит на помощь аполлоническая сила как организующая и волевая, которая и позволяет человеку вырваться из хаоса и стать творцом.

Таким образом, Иванов, признавая дионисийскую природу женского вещания, не отрицал у отдельных пифий и аполлонические проявления во время их пророчеств. Так, например, рассматривая образ эсхиловой Кассандры, которая сначала была подвержена дионисийскому исступлению, он пишет следующее: «Наступает внезапное мгновение, когда пророческая речь, по словам самой пророчицы, сбрасывает с себя покрывало, под которым она таилась как невеста, и называет вещи и события их именами, определительно, без загадочных намеков и иносказаний: это аполлонический момент в мантике» [8, с. 40].

Не случайно в стихотворении «Молчание» лирический герой, страшась деструктивной силы дионисийства (неправого), предлагает своей подруге отрешиться от земной стихии, родственной хаосу:

Сойдем – под своды тишины,
 Где реют лики прорицаний,
 Как радуги в луче луны.
 <...>
 О, соизбранница венчанья,
 Доверим крылья небесам!
 [6, II, с. 262]

По убеждению поэта, в жестоком мире насилия и войн лишь молчание и молитва спасут от безумия:

Души глубоким небесам
 Порыв доверим безглагольный!
 Есть путь молитве к чудесам,
 Сивилла со свечою смольной!
 О, предадим порыв безвольный
 Души безмолвным небесам!
 [6, II, с. 262]

Словосочетание «сивилла со свечою смольной» можно рассматривать как прием контаминации, где свеча связана преимущественно с библейской традицией, в частности, с христианской. Горящая свеча, согласно христианской символике, означает «свет веры, разгоняющей тьму невежества» [13, с. 586], зажженная свеча также является символом

личной веры. Но свеча, как правило, изготовлялась из жира, а у Иванова неожиданное словосочетание – «свеча смольная». Известно, что смоляной факел – один из атрибутов менад во время их ночного радения: «Плющ, змея и зажженный ночью смоляной светоч суть три главные обрядовые символы триетерического культа» [8, с. 113].

Стих из «Молчания» – «Сивилла со свечою смольной» – еще раз подчеркивает сходство между менадой и сивиллой, а также указывает на излюбленный Ивановым прием синтеза христианской и древнегреческой символики.

Таким образом, в исследуемых нами произведениях Вяч. Иванова, мифологические и мифопоэтические образы и мотивы раскрывают дионисийские черты страстной природы Лидии Дмитриевны: ее трепетное ощущение дисгармонии мира и дар трагического пророчества, мятежность и сострадательность, безмерность в проявлениях чувств и самоотречение, и, главное, способность своей энергией пробуждать творческие силы в других. По собственному признанию Вячеслава Иванова, после встречи с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в нем «впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт» [6, II, с. 21].

27.09.2012

Список литературы:

1. Баркер, Е. Творчество Лидии Зиновьевой-Аннибал. – СПб, 2003. – 326 с.
2. Бачинин, В.А. Этика. Энциклопедический словарь. – СПб., 2005. – 288 с.
3. Бердяев, Н.А. Из писем к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Н.А. и Л. Ю. Бердяевых // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. – М., 1996. – С. 119–144.
4. Волошин, М. Автобиографическая проза. Дневники. – М., 1991. – 416 с.
5. Дешарт, О. Введение // Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. – Брюссель, 1971. – С. 3–223.
6. Иванов, В. Собрание сочинений: в 4 томах. – Брюссель, 1971–1987.
7. Иванов, В. Эллинская религия страдающего бога // Эсхил. Трагедии. – М., 1989. – С. 309–350.
8. Иванов, В. Дионис и прадионисийство. – СПб., 1994. – 344 с.
9. Иванов, В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 т. – СПб., 1995.
10. Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Д.В. Ивановым. – СПб., 1999. – 232 с.
11. Сабашникова, М.В. Зеленая змея // Воспоминания о Максимилиане Волошине. – М., 1990. – С. 104–132.
12. Троицкий, С.В. Воспоминания // Новое литературное обозрение. – 1994. – №10. – С. 43–63.
13. Турскова, Т. Новый справочник символов и знаков. – М., 2003. – 800 с.

Сведения об авторе:

Арефьева Наталья Генриевна, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: yaroslavarefiev@yandex.ru

UDC 82 (091)

Arefieva N.G.

E-mail: yaroslavarefiev@yandex.ru

DIONYSIAC TRAITS OF LYRIC HERO IN VYACHESLAV IVANOV'S COLLECTED POEMS «COR ARDENS»

In the offered article deals with Dionysiac soul's essence of lyric hero in Vyacheslav Ivanov's poems. In this paper the author studies the mythopoetics images of Ancient Greek on the symbolic-philosophical level involving the main notions and categories of modern aesthetics.

Key words: myth, motive, image, soul, Dionysiac, Apollinian, death, resurrection.